ДЖАКОМО
МАЦЦАРИОЛ

МОЙ БРАТ – СУПЕРГЕРОЙ

рассказ обо мне
и Джованни,
у которого на одну
хромосому больше

Джакомо Маццариол

Мой брат – супергерой. Рассказ обо мне и Джованни, у которого на одну хромосому больше

Издательство «Синдбад»

2016

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Маццариол Д.

Мой брат – супергерой. Рассказ обо мне и Джованни, у которого на одну хромосому больше / Д. Маццариол — Издательство «Синдбад», 2016

ISBN 978-5-00131-018-1

Восемнадцатилетний Джакомо снял и опубликовал на YouTube видео про своего младшего брата – «солнечного ребенка» Джованни. Короткий фильм покорил весь мир. Затем появилась эта книга. В ней Джакомо рассказывает историю своей семьи – удивительную, трогательную, захватывающую. И счастливую.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-00131-018-1

© Маццариол Д., 2016
© Издательство «Синдбад», 2016

Содержание

Благая весть 7
Сто восемьдесят игрушек 17
Все супергерои умеют прыгать 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Джакомо Маццариол
Мой брат – супергерой
Рассказ обо мне и Джованни, у которого на одну хромосому больше

Моим сестрам Кьяре и Аличе и моему супергерою Джо

Каждый из нас – гений. Но если судить о рыбе по ее способности взобраться на дерево, она так и проживет всю жизнь, считая себя глупой.
Альберт Эйнштейн

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка.

Уильям Блейк. Прорицания невинного[1]

Giacomo Mazzariol
MIO FRATELLO RINCORRE I DINOSAURI
Copyright © Giulio Einaudi Editore, 2016
Published in the Russian language by arrangement with *Giulio Einaudi Editore S.p.A*

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018.

* * *

Это будет рассказ о Джованни.

О Джованни, который идет за мороженым.
– В вафельном стаканчике или в бумажном?
– Вафельном!
– Ты же все равно его не ешь.
– И что? Я бумажный тоже не ем.

О Джованни, которому тринадцать. Улыбка у него шире, чем очки. О Джованни, который может стащить у нищего шапку с мелочью и удрать; любит красный цвет и динозавров; идет в кино с подружкой и, вернувшись домой, говорит: «Я женился». О Джованни, в одиночестве танцующем посреди площади под песню уличного музыканта: прохожие, осмелев, один за другим начинают подражать ему (да, Джованни умеет зажечь!). О Джованни, для которого все на свете длится двадцать минут, не больше: если кто-то ездил в отпуск, скажем, на месяц, то для него он отсутствовал двадцать минут. О Джованни, который бывает утомительным и надоедливым и который каждый день приносит сестрам из сада цветок. А когда зима и цветов нет, приносит сухие листья.

Джованни – мой брат. Так что рассказ этот и обо мне тоже. Мне девятнадцать. Зовут меня Джакомо.

Благая весть

Прежде всего нужно рассказать про парковку, потому что именно там все и началось. На безлюдной – как это часто бывает вечером в воскресенье – парковке. Не помню точно, откуда мы ехали (вероятно, от бабушки), но помню свои ощущения: приятная истома, полный живот. Папа с мамой сидели впереди, мы с Аличе и Кьярой сзади. Солнце подсвечивало верхушки деревьев, и я смотрел в окно. По крайней мере, пытался: наш бордовый «пассат», весь в грязных следах от ботинок и в пятнах от мороженого и сока, без устали перевозивший сумки, коляски и миллионы пакетов с продуктами, настолько зарос грязью, что выражение «смотреть в окно» было к нему попросту неприменимо. Так что мир за пределами «пассата» приходилось воображать. Видеть сладкие грезы, какие видишь обычно с утра перед самым пробуждением. И мне это жутко нравилось.

Мне было пять. Кьяре – семь. Аличе – два.

В общем, повторюсь, ехали мы вроде бы от бабушки, и ничто, как говорится, не предвещало. То есть по всем признакам воскресный вечер должен был закончиться как обычно: ванная, валяние на диване, мультики. И вдруг папа, заложив крутейший вираж, точно гонщик в кино, влетел на парковку какого-то предприятия, мимо которого мы как раз проезжали. Мы переехали «лежачего полицейского» и подпрыгнули. Мама, вцепившись в ручку двери, покосилась на папу. Сейчас она ему скажет, подумал я, что-нибудь вроде: «С ума сошел, Давиде?» Но вместо этого она, улыбнувшись, пробормотала:

– Можно было и до дома подождать…

Папа не отреагировал.

– Что такое? – спросила Кьяра.

– Что такое? – спросил я.

– Что такое? – читалось в глазах Аличе.

Мама как-то загадочно фыркнула и не ответила. Папа тоже молчал.

Мы начали кружить по парковке, словно бы в поисках свободного места, хотя мест там этих было… ну, положим, две тысячи пятьсот. На всю парковку – один-единственный древний фургон, в самой глубине, под деревьями. С двумя котами на капоте. Папа ездил и ездил, пока наконец не определился с местом – очевидно, в нем было нечто особенное, поскольку папа вдруг резко затормозил и аккуратно припарковался ровно посередине между линиями разметки. Потом заглушил двигатель и открыл окно. В салон просочилась тишина, полная тайн и пропитанная запахами влажной земли. Один кот на фургоне приоткрыл глаз, зевнул и взял нас под наблюдение.

– Почему мы встали? – спросила Кьяра и, с отвращением оглядевшись, прибавила: – Почему здесь?

– Машина сломалась? – спросил я.

В глазах Аличе читался вопрос.

Родители вздохнули и обменялись взглядом, расшифровать который я не смог. В пространстве между ними струилась загадочная энергия. Поток искрящихся конфетти.

Кьяра – глаза у нее стали словно блюдца – подалась вперед:

– Вы чего молчите?

Проследив за приземлившейся на дорогу вороной, папа отстегнул ремень и повернулся к нам. Руль впился ему в бок. Мама со слегка недовольным видом сделала то же. У меня перехватило дыхание; я глядел, не понимая, и начинал уже потихоньку волноваться. Что за фокусы?

– Давай ты, Катя, – сказал папа.

Мама открыла рот, но оттуда не вылетело ни звука. Папа ободряюще кивнул.

Она вздохнула. И вот, наконец:

– Двое на двое.

Тут папа впился в меня глазами, как бы говоря: «Видал? Мы это сделали»!

Я переводил взгляд с него на маму и обратно. Что за чушь они несут?

Мама положила руку на живот. Папа, подавшись вперед, накрыл ее руку своей. Вдруг Кьяра ахнула, прижав ладонь ко рту, и пискнула:

– Не может быть!!!

– Что? – не понял я; недосказанность пугала все сильнее. – Что не может быть?

– Мы беременны! – крикнула Кьяра, вскидывая вверх кулаки, так что чуть крышу не пробила.

– Ну, строго говоря, – поправил папа, – беременна здесь только мама.

Я наморщил нос. Мы беременны? Что за чертовщина… Затем тьму прорезал луч света; что-то накатывалось на меня, точно несущийся с горы скейтборд, поднимая тучи пыли и листьев и подпрыгивая на камнях, и вот… Она сказала, двое на двое. *Двое на двое*. Беременна. Ребенок. *Брат*. Два мальчика. Две девочки. *Двое на двое.*

– Двое на двое? – закричал я. – Двое на двое! – Открыв дверь, я выпрыгнул из машины и бросился на колени, потрясая поднятыми вверх кулаками, словно только что отправил мяч в сетку ворот ударом через себя. Затем вскочил на ноги и, крутанувшись на месте, помчался как сумасшедший вокруг машины к папе и бросился обнимать его через окно; однако роста мне явно не хватало, так что я сумел лишь дернуть его за ухо, причем очень сильно, и даже испугался на секунду, что ему больно. Потом я вернулся в машину и закрыл дверь. От радости трудно было дышать.

– У меня будет младший брат? – заговорил я прерывистым голосом. – Правда? Когда он родится как его зовут где он будет спать запишем его на баскетбол?

Меня никто не слушал. Кьяра, навалившись на рычаг коробки передач, обнимала маму. Аличе хлопала в ладоши. Папа самозабвенно исполнял что-то вроде танца плеч. Машина буквально искрилась: воткни в нее вилку – и можно всю планету осветить.

– Эй! Это правда мальчик? – прокричал я, чтобы обратить на себя внимание.

– Правда, – кивнул папа.

– Точно?

– Точно.

Кьяра выглядела счастливой, это факт. И Аличе, конечно, тоже. Однако до моего уровня счастья им всем было далеко. Начиналась новая эпоха. Устанавливался новый мировой порядок. Мы с папой больше не в меньшинстве! *Величайший* переворот в истории. Трое мужчин, три женщины. *Справедливость*. Даешь честные выборы программы по телику! Долой бесконечные походы по магазинам! Конец позорным капитуляциям в спорах о том, что будем есть и куда поедем отдыхать!

– Мы в машине не поместимся, – заявил я. – Нужно новую купить.

Кьяра округлила глаза:

– Так вот почему мы в новый дом переезжаем!

То-то родители недавно начали ремонтировать какой-то дом! Теперь все встало на свои места.

– Хочу голубую машину, – сказал я.

– А я – красную, – отозвалась Кьяра.

– Голубую!

– Красную!

В глазах Аличе читалось восклицание; она хоть ничего и не понимала, но, заразившись всеобщей эйфорией, хлопала в ладоши. Солнце было словно желток яйца всмятку. С фургона спрыгнул кот; с деревьев сорвалась стая птиц и принялась чертить в небе гигантские фигуры.

* * *

Я первый поставил вопрос на повестку дня, пока мама сушила мне волосы феном:

– И как мы его назовем?

– Петронио, – крикнул папа из гостиной, хрустя орешками.

– Маурилио, – отозвался я. Почему-то это имя всегда меня смешило; я решил, что если брат окажется неприятным типом (что вполне возможно, поскольку нельзя же заранее заказывать коэффициент приятности для братьев), то с таким именем хотя бы обращаться к нему будет весело.

– Чего тут долго думать, – встряла Кьяра. – Назовем Пьетро, если будет мальчик, и Анджела, если девочка.

– Кьяра… – кротко вздохнул я.

– Что?

– Сказали же, что это *мальчик*!

Она лишь фыркнула. Выдала такую глупость – и хоть бы что.

Значит, я угадал: женщины не очень-то довольны надвигающимся равенством. И возможно, еще надеются переиграть матч в свою пользу.

– Значит, Пьетро, – подытожила Кьяра.

Но имя никому не нравилось. Так же как Марчелло, Фабрицио и Альберто. В качестве альтернативы Маурилио я предложил Ремо, но этот вариант тоже завалили. Перебрали имена всех дедушек и дядюшек – безрезультатно. Дальних родственников – с тем же успехом. Актеров, певцов – без толку. Вопрос остался открытым. Для меня подобрать правильное имя было крайне важно: брат все-таки! Кроме того, имя должно сочетаться с фамилией, а у нас в области Венето Маццариолом зовут такого гнома, одетого во все красное и в красном колпаке, который строит всякие каверзы тем, кто обижает природу. Это герой старинных сказок, раньше зимними вечерами их рассказывали детишкам старики.

Со всем своим детским пылом я верил, что, разумеется, не только имя характеризует человека; нет-нет, существует еще целая куча вещей, влияющих на то, кто ты есть и кем станешь в будущем. Например, игрушки. И потому на другой день, распираемый воодушевлением и страстно желая быть полезным, я попросил папу сходить со мной за подарком брату: в качестве приветствия я решил купить ему плюшевую игрушку. Возражений не последовало, а мама, кажется, даже рада была на время от меня избавиться (с тех пор как я узнал новость, рот у меня не закрывался ни на секунду). И вот мы пришли в мое любимое место – старомодный магазин игрушек, который притягивал меня тем, что, в отличие от других старомодных магазинов, благоухал новизной.

Плюшевый зверь должен быть сильным, думал я. Чтобы брат, глядя на него, как в зеркало смотрелся. Родители приучили меня обращать внимание на цены (поскольку деньги, как известно, на дороге не валяются), но тут особый случай: можно, наверно… да, разумеется, можно потратить и побольше. Может быть, даже больше десяти евро? Страшно много денег. Но мой брат заслуживает такого подарка.

Я подошел к витрине и погрузился в созерцание плюшевых зверюшек. Кролики, котики, собачки… Нет, все не то – мой брат не из тех, кто станет забавляться с кроликами. Скорее уж ему подойдет лев, или носорог, или тигр, или…

И тут я увидел.

– Вот! – показал я на него папе.

– Кто это? – спросил тот, взяв игрушку с полки.

Я, фыркнув, закатил глаза: что за невежество! Потом объяснил:

– Это гепард.

Как можно дожить практически до седых волос и не узнать гепарда?

– Точно его берем?

– Конечно, он же идеальный!

Я не преувеличивал. Ведь гепард самый быстрый и ловкий, самый грациозный, самый величавый! В голове уже сложился образ: мой брат-гепард. Я видел, как мы носимся по лестницам, строим крепости из одеял, деремся за доступ в ванную и самое главное – заключаем союзы в борьбе за DVD-проигрыватель, шоколадное печенье, баскетбольную площадку. Мы вместе. Вместе покоряем этот мир.

* * *

Весь вечер я мечтал, какие штуки мы будем выкидывать вдвоем с Гепардом. Воображал обклеенную постерами комнату, исписанные стены. Я всегда буду на шесть лет старше, всю жизнь, и все буду делать на шесть лет раньше. Я научу его куче разных вещей – кататься на велосипеде, а еще знакомиться с девчонками, а еще лазать по деревьям.

У нас это семейное: в роду Маццариол все мастерски лазают по деревьям.

И вот поэтому несколько недель спустя я напросился проведать вместе с папой наш будущий дом и взял с собой банку с семенами, которые старательно копил всю весну. Мне кто-то сказал, что если посадить в землю фруктовые косточки и семечки, то из них вырастут деревья, и с тех пор я начал собирать их с тарелок после обеда и ужина и насобирал *целую банку*. Теперь время настало.

Пока папа беседовал с рабочими, я тихонько вылез из машины, пробрался через весь дом в наш будущий сад, отвинтил крышку и разбросал семена. Потом старательно вдавил их в землю и еще присыпал сверху – в общем, сделал все (по моим представлениям) необходимое, чтобы они принялись. Вернувшись обратно, я прокрался на заднее сиденье и приготовился спокойно ждать.

Как бы не так.

На меня накатила волна ужаса: семян слишком много! Они слишком близко друг к другу! Когда деревья вырастут, стволы переплетутся, обовьют весь дом снаружи и внутри, и нам придется жить в лесу!

Папа, закончив с делами, сел в машину, завел мотор и взглянул на меня в зеркало.

– Что-то не так? – спросил он, хмуря брови.

Всякий раз, как я что-нибудь затевал, папа интуитивно это чувствовал.

Однако к тому моменту я уже перестал думать о пронзенных ветвями стенах, зато радовался, что у нас с Гепардом будет самое диковинное на свете жилище – дом-лес. Вернее, дом на деревьях.

– Нет, все хорошо, – ответил я, потирая руками колени.

Машина тронулась, и мы уехали.

В тот вечер я так и заснул с мыслью о доме на деревьях и грезил им всю ночь.

* * *

А потом пришло имя. И случилось это в супермаркете, потому что иначе и быть не могло.

* * *

Мы отправились за покупками, все впятером. Бродили между рядами полок, толкая тележку. Фрукты, хлопья, моющие средства. Из динамиков лилась какая-то экзотическая

музыка, и мы с Кьярой принялись изображать виденный по телевизору гавайский танец, а папа пытался под это дело потихоньку от мамы сунуть в тележку шоколад, миндаль и песочное печенье. – А может, Джакомо Джуниор? – спросил я, прерывая танец.

– Что-что? – не поняла мама.

– Ну имя, для братика! Джакомо Джуниор. Я же его старший брат. По-моему, так будет справедливо.

– Нет.

– Как нет?

– Я не хочу иностранное имя.

– Но Джакомо – не иностранное!

Мама закатила глаза.

– Тогда Джакомо Второй? Джакомо Маленький? Джакомо Младший?

– Хватит!

– Ну пускай тогда хоть на «дж» начинается! Пожалуйста, можно дать ему имя на «дж»? Просто я хочу, чтобы было понятно, что мы братья… это в знак любви… – Я прижал руки к груди – глаза щенячьи, губки бантиком, все в таком роде; Кьяра изобразила, что ее рвет прямо к нам тележку. – Джанлуиджи? Джанкарло? Джеронимо? Джилберто? Джузеппе? Джироламо?

– Фу! – скривилась Кьяра.

– Да уж, – отозвалась мама.

– Ну тогда хотя бы Гепард! Можно назвать его Гепардом?

Но они меня уже не слушали, а гадали, куда делся папа, который, стоило нам отвлечься, обычно не упускал случая и отправлялся на стойку дегустации, где, изображая заинтересованного покупателя, сметал все подряд, словно его год не кормили.

Мы подошли к витрине с сырами. Я вспотел от страха: вдруг мы так никогда и не придем к единому мнению? Вдруг решим никак его не называть?! Человек без имени. «Он» для учителей. «Этот» для товарищей. «Эй вы» или «эй ты» для начальства.

– Что будем брать, – спросила мама, – моцареллу или страккино?

– Страккино! – отозвалась Кьяра. – Который от дедушки Нанни.

Нанни? Вот оно.

– Джованни!!! – завопил я, и мама с Кьярой обернулись. – Мой брат! Джо!

Мама поморщилась.

– Это не иностранное имя, это от Джованни! Мой брат Джованни. Брат Джо. Здорово, правда?!

– Мне нравится, – одобрила Кьяра. По-моему, она согласилась лишь потому, что успела выпросить свой страккино.

– Хм… мне тоже, – задумчиво кивнула мама, словно бы недоумевая, как это мы раньше не догадались.

Вот таким вот образом – у витрины с сырами, посреди разнообразных сортов моцареллы и рикотты, под пошловатую музычку и в отсутствие отправившегося на поиски пропитания папы – и решилась судьба имени для Гепарда. Решилась благодаря страккино.

* * *

После этого я рассудил, что мой долг выполнен. Я купил плюшевого гепарда, призванного подсказать брату, какова его истинная натура; я выбрал имя. Что еще я мог сделать? Ничего – только ждать. Мамин живот вырос, наш дом тоже. Лес в саду не проклюнулся, но время в запасе еще оставалось. Чудес вокруг пока и так было достаточно.

Но потом…

Однажды в воскресенье (снова воскресенье!) мы откуда-то возвращались (наверняка снова от бабушки), и, когда проезжали мимо той самой пустынной парковки, папа резко крутанул руль и принялся – точно как в прошлый раз – кружить в поисках парковочного места, которое подходило бы одновременно и для нашего бордового «пассата», и для нового объявления. – Опять?! – спросила Кьяра.

– Опять?! – спросил я.

– Опять?! – читалось в глазах Аличе.

«Сейчас скажут, что это близнецы, – пронеслось в голове. Потом пришла другая мысль: – А вдруг… – Тут я зажмурился от ужаса. – Нет, этого не может быть!» Папа нашел место, припарковался и выключил мотор. Отстегнул ремень, мама тоже. И прежде чем они успели что-либо сказать, я запричитал:

– Пожалуйста, только не это! Неужели вы ошиблись? Неужели это девочка?

– Нет, – ответила мама и как-то по-особенному улыбнулась, отчего я сразу приободрился. – Мы не ошиблись.

У меня вырвался вздох облегчения; теперь пусть говорят что угодно, абсолютно что угодно!

– Тогда почему мы опять на этой парковке? – спросила Кьяра.

Мама с папой переглянулись, как в прошлый раз, но *не в точности* так же. Снова поток энергии, разноцветные конфетти и все такое, но оттенок уже другой. Как будто мы в кино снимаемся, отрабатываем сцену, и режиссер говорит: «Неплохо, неплохо, но нужно больше чувства. Понятно? Дайте мне жизнь, настоящую жизнь. Ярость и радость, прошлое и будущее, холод и теплоту. Дайте мне столкновение противоположностей! Проживайте каждый миг!»

Щелк – и пошел следующий дубль.

И вот мы в кадре.

Ржавый фургон исчез. Его место занял голубой прицеп, покрытый брезентом. Котов поблизости не наблюдалось; две вороны играли в прятки. Был летний день, солнце пробивалось сквозь слой зернистых облаков, и на деревьях трепетали листья. Проехала машина – радио на всю катушку, басы грохочут. Мама подождала, пока музыка стихнет, и заговорила:

– Мы хотим вам кое-что сказать. Насчет вашего брата.

Папа ободряюще сжал ей руку.

– Ваш брат… – Она помолчала. – В общем, он будет… особенный.

Мы с Кьярой стрельнули друг в друга глазами.

– Особенный? – повторила она.

– Особенный в каком смысле? – спросил я.

– В том смысле, – ответил папа, – что он будет… не такой, как другие. Во-первых, дружелюбный. Очень. Даже слишком. Еще улыбчивый. Доброжелательный. Спокойный. И у него будет… э-э-э… В общем, у него будет свой ритм.

Я поднял бровь:

– Свой ритм?

– И другие особенности, о которых мы пока не знаем, – улыбнулась мама.

– Так это, значит, хорошая новость? – спросила Кьяра.

– Больше чем просто хорошая, – серьезно ответил папа и как-то чудно нахмурил лоб; машина заходила ходуном вверх-вниз, словно дышала вместе с нами. – Намного больше. Это поразительная новость. – Тут он вдруг отвернулся и включил магнитолу.

Вот так.

Что меня тогда больше всего потрясло и врезалось в память, так это как раз момент с магнитолой. Папа вообще-то музыкой особо не увлекается, но у него пунктик насчет Брюса Спрингстина. Его послушать, так все, что можно сказать о жизни и смерти, о любви и выборе, уже сказано в песнях Брюса Спрингстина. В общем, он включил магнитолу, и в колонках хрип-

ловато заиграла губная гармоника. Воздух наполнился печалью. Запел Спрингстин. *The River*. Хоть я и не понимал тогда ни слова и даже не знал, что песня называется *The River*… В общем, не понимал я абсолютно ничего, но меня захлестнула волна эмоций. Удивительно, как я до сих пор помню, причем очень ярко, что хотел тогда всех обнять. И возможно, на какомто – не физическом – уровне я это сделал. Папу – потому что он мой папа. Маму – потому что она мама. Сестер… м-м-м… ну да, и их тоже. Почему-то.

* * *

Я ждал чего-то необычайного.

* * *

В ту ночь мне снился мальчик-гепард с суперспособностями (особенный же!). «Вау!» – думал я во сне. Мой брат умел летать. В три года он уже передвигался с быстротой молнии, обладал бицепсами культуриста и плечами регбиста. Вот я в горящем доме – и он пробирается сквозь огонь и вытаскивает меня. Вот я в плену у террористов из четвертого класса (четвертого «Б», если точнее) – и он пробивает стену и спасает меня, и ничего ему не делается, словно у него скелет покрыт адамантием (как у Росомахи, кто не в курсе). Вот меня сейчас разорвет на части медведь, и вдруг – опа! – возникает брат и, подхватив меня, уносит в безопасное место, а потом возвращается к медведю с куском мяса, чтобы тот не расстраивался. Мой брат – поток света, облако атомов, квинтэссенция непредсказуемости. Пули его огибают, а стрелы отскакивают у него от груди. И это еще далеко не все. Вот он откладывает операцию по спасению президента США, чтобы снять кота с дерева; бросается в реку за тонущим бумажным корабликом; достает провалившиеся в канализацию игрушечные машинки…

И так далее.

Да, мой брат был особенным. Три года. Облегающий комбинезон с буквой «О» (от слова «особенный») на груди. Уложенные гелем волосы, глаза как у Бэмби и пресс борца. Предпочитает действовать, а не говорить. Чем дальше, тем больше новых смыслов вкладывал я в термин «особенный», хотя при этом меня несколько тревожил один вопрос: а почему он вообще такой получился?

* * *

– Мам? – позвал я.

– Я тут.

Я вошел на кухню с блокнотом, в котором с помощью Кьяры написал список вопросов, и застал маму одну – ни Кьяры, ни Аличе (не помню, где они были). Мама резала помидоры. Потом скинула их в прозрачную салатницу, взяла корзинку с хлебом и поставила на стол. Из приемника струилась беззаботная, жизнерадостная мелодия.

– Чего тебе? – спросила мама.

– Так… Что ты ела за день до того, как узнала, что ждешь Джованни?

Мама как раз открывала холодильник – да так и замерла, держась за ручку:

– Не поняла?

В кухню заглянул папа:

– Ну, что у нас тут? – Он подошел к маме и, обняв ее сзади, поцеловал в щеку. – Скоро есть будем? Что у тебя в блокноте, Джек?

– Вопросы.

– На тему?

– Про моего брата.

– Про твоего брата?

– Про его особые способности.

– И что ты хочешь знать?

– Почему.

– Почему что?

– Почему они у него есть.

Папа, постанывая от удовольствия, потянул руки назад, разминаясь. Раздался хруст, словно ломались сухие ветки.

– Понятно, – сказал он. – И какие у тебя там вопросы?

– Ну… – Я заглянул в блокнот. – Я спрашивал маму, что она ела за день до того, как узнала, что она ждет Джованни.

– Точно! – Папа повернулся к маме. – Что ты ела за день до того, как узнала, что ждешь Джованни?

– Не помню… – Мама почесала в затылке. – Пасту, наверно. С радиччо вроде бы.

Кивнув, я сделал вид, будто записываю (чего, естественно, не умел – в школу идти мне было только через год).

– Теперь ты. – Я указал пальцем на папу. – Сколько ты весишь?

– Восемьдесят килограммов.

– Ну да, конечно, – прокомментировала мама.

– Восемьдесят килограммов, – невозмутимо повторил папа.

– А где ты был, когда мама сказала тебе про Джованни?

– В спальне.

– Хм, в спальне… интересно… Мама, а о чем была книга, которую ты перед этим прочитала?

– Это история о…

– Нет, неважно; главное – там хороший конец?

– Да.

– Ага, так я и думал. – Я усиленно закивал, выводя напротив вопросов крестики.

Мама принялась раскладывать салат по тарелкам:

– Может, уже сядем есть?

– Последний вопрос. Самый важный. Ты недавно ходила на пробежку?

– Джакомо, ну ты что? С таким-то животом?

– Ну, на прогулку?

– Ходила.

– А с кем?

– С Франческой.

– С мамой Антонио?

– С мамой Антонио.

У меня глаза на лоб полезли.

– Ты ходила гулять с мамой Антонио?!

– Ну да, а что тут такого…

– А у мамы Антонио только что родился ребенок!

– Да.

– Со светлыми волосами и голубыми глазами! Хотя у них в семье у всех темные волосы и темные глаза!

– Ну да.

– Ну, это я тебе могу объяснить, – отозвался папа с загадочной кривоватой улыбочкой, поигрывая бровями.

Мама бросила на него испепеляющий взгляд, но я уже ушел в свои мысли. Нет, это точно не простое совпадение! Она гуляла с мамой Антонио, у которой только что родился ребенок, *непохожий на других*; тут прямая связь с суперспособностями Джованни! Видимо, это как-то передается от одной мамы к другой, когда они гуляют. Или разговаривают. Или даже просто смотрят друг на друга. Дело в движении? В скорости? Или важно место, время года? Мысли теснились в голове, точно шарики в пинбольном автомате. За ужином я дважды положил себе салат, уставив невидящий взгляд куда-то вдаль, в точку вне времени и пространства. Жизнь была полна загадок.

По ночам (и во сне, и наяву) мне грезилось, будто мой брат упакован в подарочный сверток – нарядная бумага, бантик и тому подобное, а я сижу на диване и держу его на коленях. Самый прекрасный момент – когда в руках у тебя подарок, но ты его еще не открыл. Момент, в который возможно все. Как только откроешь, то внутри уж что есть, то есть; понравилось – хорошо, не понравилось – ничего не поделаешь. А вот пока держишь его в руках, ощупываешь, взвешиваешь, гадаешь, что внутри, – вот это как раз и есть самое замечательное. Иногда даже думаешь: а не лучше ли вообще их не открывать, эти подарки? Не лучше ли просто над ними мечтать?

Но так не бывает.

И потом, все-таки, если честно, есть в этом какое-то особое удовольствие – открыть подарок и проникнуть в тайну.

Днем я глядел на мамин живот и думал, что вот там внутри сейчас Джо. И что я буду называть его так всю свою жизнь – когда мы поссоримся, или вместе что-нибудь затеем, или когда нужно будет позвать его к столу, или попросить о помощи. «Хей, Джо!» – будут говорить все, как в песне Джимми Хендрикса. И говорить очень часто (в этом я не сомневался), поскольку с такими, как Джо, приятно находиться рядом. Я трогал мамин живот и нюхал его, приближая лицо вплотную, так что видно было бороздки на туго натянутой коже; я прикладывал к нему ухо и ждал, когда Джо лягнется.

Тем временем мир вокруг меня – вернее, вокруг нас – менялся. Новый дом, новая машина, а у папы даже новая работа. Джованни волок за собой целый мешок новостей. Он был искрой, способной всех нас зажечь.

В наше новое жилище – отдельный дом с садом (*тем самым* садом, который я постоянно проверял в ожидании всходов) – мы перебрались в начале декабря. В день переезда я обошел все комнаты. Спальни наверху, ванные, кухню, гостиную. Погладил пальцами все стены. Спустился в парадную гостиную и заглянул в камин. Пахло деревом и лаком.

Отыскав в коробках с вещами плюшевого гепарда, я спрятал его в надежное место в шкафу.

Постепенно дом наполнялся жизнью, жилыми запахами. Пахло уже не деревом и лаком, а едой и играми. И еще зимой. Было холодно, два раза даже шел легкий снег. По стенам развесили картины и фотографии. Сидя на диване, я заворачивался в одеяло. Моего соседа Луки больше не было рядом, но на улице я видел нескольких детей.

Однажды я зашел на кухню, где висела наша семейная фотография – мама, папа, Кьяра, Аличе и я. Все пятеро очень веселые. И я понял, что нельзя показывать ее Джованни: еще решит, что нам и без него хорошо жилось!

Я сходил к себе в комнату и взял из коробки красный фломастер. Снял фотографию, сел за стол и слева от нас схематично изобразил человечка. Круглое лицо и улыбка от уха до уха. Потом вернул свое творение на место и принялся его разглядывать. Чего-то не хватало; тогда я снова взял фломастер и пририсовал Джованни плащ. Как у супергероя.

Это было седьмого декабря.

Я хорошо это помню, потому что в тот день после обеда родился Джо.

Сто восемьдесят игрушек

Ну, вот и он. В новенькой кроватке. В кругу своей семьи. В старой желтой распашонке, которую уже по очереди поносили Кьяра, я и Аличе. Из-под одеяла высовывалась голова (с одной стороны) и ступня (с другой). Вроде все было правильно, все на своем месте, однако эта голова и эта ступня таили в себе загадку, которую мне еще предстояло разгадать. Я топтался рядом, сжимая под мышкой гепарда, купленного специально для этого случая, но не клал его в колыбель, потому что… Честно говоря, сам не знаю почему.

– Откуда он? – спросил я папу шепотом.

– Что значит откуда?

– Он инопланетянин, видно же.

– Мы ведь тебе говорили. – Папа сжал мое плечо твердой горячей рукой; с такой рукой на плече я был готов отправиться куда угодно и встретиться с любыми трудностями, честное слово! – Говорили, что он особенный.

Я кивнул.

Во-первых, глаза. Как у китайца. Или как у жителя Венеры – я пока не понял. А может, еще какой-нибудь планеты, где из песка вырастают разноцветные кристаллы, а в небе висит штук десять фиолетовых лун. У меня самого разрез глаз тоже чуточку восточный, так что в этом мы похожи. Видно, что братья. Хотя у него-то уж прямо *совсем* восточный. Потом затылок: плоский, словно посадочная площадка космического корабля. Лилипутского. Приделать ножки – и будет кофейный столик. Однако больше всего меня поражали пальцы на высунутой из-под одеяльца ступне, мотавшейся так, словно ее било током. Пальцев было четыре. Вернее, было видно, что задумывалось пять, вот только два крайних – мизинец и безымянный – слиплись вместе. Как «твикс».

– А другая? – Я указал на ногу. – Другая нога такая же?

– Да. Забавно, правда?

Я пожал плечами. Я сомневался, что это действительно забавно. По правде говоря, меня это даже как-то угнетало. Хотя вот взять, к примеру, моего лучшего друга Андреа, который, если уж совсем точно придерживаться фактов, лишь недавно, после длительной опалы, снова стал моим лучшим другом: он провинился в том, что убедил нашу подругу Лавинию бросить меня и стать его невестой; так вот, у этого Андреа, между прочим, уши без мочек. Такие ровненькие и маленькие. Каждый в чем-то не похож на других; может, без пятого пальца Джованни сможет точней бить по мячу, то есть будет такой же эффект, какой, например, дают бутсы без шнурков? У всех свои особенности, и отличие может иногда обратиться в преимущество. Я вспомнил об ангелах, низвергнутых на землю и прячущих крылья под плащами. Вспомнил о Скотте Саммерсе, Циклопе из «Людей Икс», который все время носит темные очки. Джованни будет выходить на поле в гетрах с бутсами, как все, а в середине матча, дождавшись подходящего момента, снимет их, чтобы метнуться к воротам и ударить по мячу своим коронным ударом, не оставив вратарю ни единого шанса. Я вытащил гепарда из-под мышки и поднял так, чтобы Джованни видел. Поднес прямо к его лицу.

– Подожди месяца два, – сказала мама. – Он еще не видит.

– Он что, слепой?

Она засмеялась:

– Все дети такими рождаются.

– Что, правда?

– Да.

Сохраняя невозмутимость, я придвинул гепарда еще ближе и изобразил, что он чмокает Джованни в нос.

* * *

Так или иначе, больше всего меня будоражил тот факт, что Джованни – китаец или пришелец с какой-то восточной планеты. В последующие дни, стоило только ему остаться без присмотра родителей, как я, пользуясь случаем, заговаривал с ним на *китайскояпонско-корейском* языке, состоящем из длинных, протяжных звуков, в основном гласных. Усаживался напротив, устремив на него пристальный взгляд, и принимался завывать. Было немного похоже на радиопомехи.

Однажды у меня за спиной неожиданно раздался папин голос.

– Ты что делаешь? С ума сошел?

Я снисходительно отнесся к его невежеству и, понизив голос, объяснил:

– Я пытаюсь с ним общаться.

– И как, получается?

– Ну, работы еще много.

– А-а.

– Он сейчас отозвался.

– Серьезно?

– Да.

– И как же?

– Засунул палец в нос!

– Ого!

– Это когда я пробовал «у» и «а». Вот так: у-у-у-а- а-а-у-у-у-а-а-а… – Тут Джо засмеялся и засунул палец в ухо. – Видел?!

– Значит, ты полагаешь, – подхватил папа, – что звуки «у» и «а» связаны с засовыванием пальца в какое-нибудь отверстие на теле?

Я возбужденно закивал:

– Потрясающе, правда?!

– Продолжай эксперимент, – посоветовал папа. – Не останавливайся на достигнутом.

* * *

Я начал следить за Джо неотрывно. Мой особенный брат меня прямо-таки завораживал, и я очень старался во всем разобраться. Стоило маме хоть на секунду оставить его в коляске или еще где-нибудь, стоило ей отвернуться за каким-нибудь пустячным делом, – ну, не знаю, навести порядок в столе, – как я тут же зависал над ним спутником-шпионом из «Звездных войн».

– Можно вопрос? – обратился я к маме как-то вечером.

За окном шел снег. Мама была в голубой ванной – в ванной для взрослых, которой детям пользоваться запрещалось и где она мазалась кремом, а папа брился. Я растянулся на диване, подперев щеку рукой и, по обыкновению, наблюдая за Джованни.

– Конечно, можно.

– Зачем вы его таким сделали?

– Каким таким?

– Китайцем.

– Ну, нам предлагали на выбор южноамериканца или азиата, а сейчас, знаешь, в моде всякие красные фонарики, цветочные мотивы, суши… – Мама показалась на пороге ванной: – Или ты хотел мексиканца?

Я фыркнул, упав головой на подушку.

– И потом, прошу прощения, – продолжила она, – но ты ведь проводил исследование, почему Джо особенный. Помнишь? Задавал нам с папой вопросы. Что я ела накануне, ходила ли гулять с мамой Антонио… И?

– И – что?

– Удалось что-нибудь выяснить?

– Да мало что.

Мама вышла из ванной и открыла шкаф с полотенцами.

– Знаешь, Джакомо, – произнесла она очень мягким и в то же время звучным голосом, какой бывает у нее, когда она собирается высказать какую-то важную истину, – чем-то в жизни можно управлять, а что-то нужно принимать как есть. Жизнь, она несоизмеримо мудрее нас. Она сложна и загадочна… – Глаза ее заблестели; когда она говорит о жизни, в них обязательно сияют звездочки, вот и сегодня тоже. – Единственное, что мы всегда и везде можем делать по собственному выбору, – это любить. Любить без условий и оговорок.

Вошла Кьяра и уселась рядом со мной на диван.

– И его сопли тоже? – вмешалась она. – За что любить его сопли, если… Короче, ночью, когда он спит, можно подумать, тут самолет взлетает. Эй, вы меня слышите? Я с вами говорю! – Она помахала рукой.

Это правда: из кроватки Джо ночи напролет доносилось что-то вроде рокотания мотора. Только ей-то что? Она спит – из пушки не разбудишь. Я бросил на нее враждебный взгляд. Не из-за чего-то конкретного, а так, просто из мужской солидарности.

– А язык? – высунулась из засады Аличе, незаметно проскользнувшая в комнату и прятавшаяся за диваном. – Почему у него язык всегда наружу?

И это тоже правда: язык у него был все время высунут. Я подумал, что, возможно, он слишком длинный и не помещается во рту; возможно, Джо станет первым в роду Маццариол, кому удастся дотянуться языком до носа, а то у нас с этим глухо. Нельзя одновременно быть мастером и в лазании по деревьям, и в доставании носа языком, это уж чересчур.

– О, черт! – воскликнула мама, глядя на часы. – Время-то уже! Нам пора. Кьяра, иди собирайся. Аличе, ты тоже.

Все вышли из комнаты.

Не помню, куда они собирались и почему не взяли меня с собой; знаю только, что я остался с Джованни один. Я, по обыкновению, уставился на него, а он вдруг широко распахнул глаза, как никогда раньше не делал, и так же уставился на меня в ответ! И тут у меня в голове прозвучал голос, похожий на идущее из колодца эхо: «Я понимаю все, что вы говорите».

Я вскочил:

– Это ты сказал?!

– Я понимаю все, что вы говорите, – послышалось снова.

– Ты умеешь общаться телепатически?

– Можете и обо мне говорить. Главное, чтобы вы разговаривали.

И обладатель голоса засмеялся.

* * *

Мама любит читать. У нас дома книги повсюду – на столике в гостиной, на кухне, на подоконниках и даже в ванной. Но хуже всего приходится тумбочке у кровати – того и гляди, развалится под грузом многочисленных томов. Со временем я выучил такие имена, как Гессе, Маркес и Оруэлл, однако в семь лет различал книги лишь по толщине корешков, цвету обложек и наличию или отсутствию картинок. Книги меня всегда манили. Думаю, любовь к чтению передается от родителей к детям не столько благодаря личному примеру, сколько через еду и

атмосферу. Как бы то ни было, мне часто случалось взять одну из разбросанных по дому книг, произнести вслух название, поводить по обложке пальцем, а иногда еще и понюхать.

Так я обо всем и узнал.

У нее была синяя обложка, такая уныло-тускло-синяя. Я уже замечал ее прежде, в спальне и на кресле в гостиной. И в конце концов, бродя по квартире, наткнулся на нее и взял в руки. Прочитал имя автора, какое-то иностранное, и название, тоже с иностранным словом. Я понял это по букве «w» – вспомнил, что в итальянских словах буквы «w» и «x» практически не встречаются. Слово было: «down». Прочитал я его так, как пишется: «довн». Перед ним было написано «синдром». Я не знал значения ни того ни другого. Я раскрыл книгу, и она распахнулась на странице с фотографией, как это всегда бывает, потому что такие страницы чуть толще.

И тут у меня глаза на лоб полезли. Да это же Джованни!

Хотя нет, не он, но кто-то поразительно на него похожий – те же глаза, рот, форма головы… Это не Джо, но он явно с той же самой планеты! Вот сейчас я наконец узнаю, в чем секрет моего брата! Я принялся листать страницы, но ничего не понял, кроме того, что это книга по медицине. Глаз зацепился за слово «болезнь». «Синдром» – это что-то вроде болезни? Я почесал голову; картина не складывалась, чего-то не хватало. Вместе с книгой я отправился на кухню.

Мама, дробно стуча ножом по доске, резала перец. Папа за столом читал газету, то и дело запуская руку в пиалу с миндалем. Рядом Кьяра делала уроки. Я вошел и положил книгу на стол, слегка стукнув ею и как бы давая понять, что дело важное и все должны прервать свои занятия и обратить на меня внимание. Папа поднял взгляд и замер, не донеся руку до пиалы. Кьяра перестала писать в тетради. Мама – резать. Кусочек перца упал на пол.

Стараясь придать голосу максимальную солидность (взять которую в семь лет особо неоткуда), я спросил: – Что это?

Папа изобразил работу мысли.

– Книга! – воскликнул он с таким видом, словно сделал выдающееся открытие.

Кьяра хихикнула.

– Я знаю, что книга. Но тут написано про Джованни. И фотографии. Похоже на него. Что такое «синдром»? Что такое «довн»?

– Даун, – поправила Кьяра.

– Неважно. Что это значит?

– Это то, чем страдает твой брат, – ответила мама, снова принимаясь за перец. – Синдром, открытый английским медиком, которого так и звали – Джо Лэнгдон Даун. Конечно, этот синдром существовал и раньше, просто благодаря ему получил свое название.

– Это что, болезнь?

– Да, – отозвался папа.

– Значит, Джованни больной?

– Ну, поскольку синдром Дауна – это болезнь, а у Джованни синдром Дауна, то я не могу отрицать, что формально Джованни болен, но…

Я повернулся к Кьяре:

– Ты знала?

Она кивнула.

Я чувствовал себя оскорбленным. Меня предали!

Папа потянулся через стол взять меня за руки, но я отдернул их, словно обжегшись:

– Почему мне не сказали? Потому что я маленький?

– Нет. Тебе не сказали, потому что не это главное.

– А что главное?

– Главное, что Джованни – это Джованни. А не просто мальчик с синдромом. Он – личность. У него есть характер и вкусы, достоинства и недостатки. Как у всех нас. Мы не говорили тебе о синдроме, потому что не судим о Джованни с этой точки зрения. Мы думаем не о его синдроме. Мы думаем о Джованни. Надеюсь, я понятно объяснил.

Я молча глядел на него. Понятно объяснил? Не знаю, не знаю. Я даже не понимал, должен ли впадать в беспокойство. Если никто из них не волнуется из-за болезни Джованни, то с какой стати волноваться мне? Потому что они-то явно ни капли не волновались. Даже наоборот. В их словах, в манере говорить, а особенно во взглядах и жестах сквозило какое-то странное спокойствие.

– Это связано с ритмом? – спросил я вдруг.

Папа нахмурил лоб.

– Ты сказал… Ну, когда говорил, что он особенный, что у него будет свой ритм. Значит, все дело в ритме?

– И в нем тоже, – ответила мама. – Он будет медленней всему учиться.

– А у Марко тоже синдром Дауна? – спросил я, вспомнив одноклассника, который никак не мог выучить алфавит, который я уже с легкостью барабанил даже в обратном порядке.

– Нет, Джакомо, у тебя нет друзей с синдромом Дауна. Иначе ты бы сразу догадался, по лицу и вообще.

– По китайским глазам?

– Например.

– А дальше?

– Что дальше?

– Ну, болезнь. Ему будет плохо?

– Здоровье у него будет не очень крепкое.

– А еще что?

– Он будет странно говорить.

– Плохо выговаривать слова?

– Не только. Ему будет трудно выражать свои мысли, как это делаешь ты, например.

– А еще?

– Он не сможет ездить на двухколесном велосипеде, – сказал папа.

– Серьезно?!

– Да.

– А лазать по деревьям?

– Боюсь, что нет.

От огорчения я зажмурился. Потом вздохнул.

– На самом деле, – сказала мама, снимая с крючка над раковиной полотенце, чтобы вытереть руки, – ему просто нужно будет немного помогать. Совсем чуть-чуть. – Казалось, она убеждает больше себя, чем меня.

– Он будет задерживаться, – встряла Кьяра, которая до этого момента сидела молча, выводя на бумаге миниатюрные спиральки.

– Мы вчера тоже у бабушки задержались.

– Не в этом смысле!

– А в каком?

Папа, сидевший напротив, перегнулся к ней через стол, чтобы пощекотать.

– Как поезд, – ответил он. – Чух-чух-чух… – Он побежал пальцами по ее животу и дальше вверх, до самой шеи; Кьяра, извиваясь, захихикала. – Джованни понадобятся рельсы, чтобы его направлять. Так же, как поезду. И этими рельсами станем мы. И если он где-то задержится, не беда. А вообще-то, если в поезде напротив тебя сидит красивая блондинка с… – Он сложил руки ковшиком и слегка ими покачал.

Мама подошла сзади и отвесила ему подзатыльник.

Папа засмеялся. Кьяра тоже. Тут и я начал смеяться. Воздух наполнился ароматом рагу; за окном хозяйничала зима, голова у меня пухла от вопросов, а в животе ощущалось какое-то необычное тепло. Я отдавал себе отчет, что пока еще многого не понимаю, но чувствовал, что это неважно. Мы были вместе – и на тот момент мне этого хватало.

* * *

Прошло время. Однажды после обеда в дверь три раза позвонили. Помню, что дома были только мы с папой. Я заканчивал делать уроки, папа изучал буклет из супермаркета, рекламирующий товары по акции. Поскольку нас стало шестеро, а работал один папа, приходилось экономить. Вот он и начал следить за колебаниями цен в разных магазинах, как следят за курсом валюты, стоимостью золота или объемом производства кофе в Коста-Рике. Недаром у него диплом экономиста. Ну так вот, значит, в дверь позвонили, и я крикнул: «Я открою!» И побежал открывать.

Я выглянул на улицу. На дороге стоял желтый фургон, перед ним – тип в бейсболке. В одной руке блокнот, в другой – ручка.

– Мац… Маццариол? – спросил он, вглядываясь в свои записи.

– Да.

– Подгузники.

– Что?

– Ваши подгузники.

Я немного отпрянул, словно мне на нос приземлилась оса.

– Подгузники? – пробормотал я. – Подождите минутку!

Потом побежал на кухню:

– Папа…

– Что там?

– Подгузники.

– Что?

– Там фургон и тип, который говорит, что у него наши подгузники.

– Наши… А! – Он просиял. – Ну да, да! Вот это скорость! Не думал, что так быстро привезут. Пойдем! – Он поднялся и вышел.

Папа и тип в бейсболке пожали друг другу руки. Потом тип в бейсболке всучил папе ворох бумаг на подпись и пошел открывать фургон. Я не отставал от него ни на шаг. Дверцы фургона распахнулись, и…

– Вау!!! – завопил я во весь голос. – Никогда ни у кого не видел такой горы подгузников!

– А ты их часто видишь? – серьезно спросил тип.

– Еще как! – Я обернулся к папе: – Пап?

– Да?

– Это для детского сада? – спросил я, зная, что папа работает администратором в детском саду.

– Нет.

– А что мы с ними будем делать?

Папа вздохнул:

– Боюсь, что с Джованни тема подгузников будет актуальна еще долго. – Он показал на фургон, на боку которого красовался улыбающийся младенец. – А брать оптом намного выгодней, так что…

Тип в бейсболке выглянул из-за фургона:

– Поможете с разгрузкой?

Добрых полчаса мы мотались туда-сюда, перемещая упаковка за упаковкой гору подгузников из фургона на кухню. Затем тип в бейсболке (совершенно выдохшийся) сел в фургон и укатил, а мы переместили гору из кухни в парадную гостиную. Упаковку за упаковкой.

Потом я еще долго развлекался тем, что строил из этих подгузников иглу.

* * *

Джо развивался. В своем ритме. Своим, особым образом. Но развивался. Многие вещи получались у него все лучше и лучше – например, хватать. И довольно долго – прямо-таки бесконечно долго – для него существовали лишь два действия: хватать и швырять. Ничего другого он, по сути, не делал. Поначалу-то у него и с этим было глухо. С хватанием, в смысле. Не мог даже зажать в руке соску или бутылочку. Но когда он вдруг осознал, как работает рука, и понял фишку большого пальца – ну, то есть что с его помощью можно хватать, – то каждый предмет сразу же превратился в объект для *хватания* и дальнейшего *швыряния*. И довольно быстро стало ясно, что эти действия неразделимы: все, что можно схватить, должно быть затем брошено.

Из всех потенциальных объектов для швыряния Джованни предпочитал мягкие игрушки. Подаренный мной гепард стал летучим. Вот только игрушек у нас было всего штук десять, а на выполнение задачи «схватить-швырнуть» Джованни тратил… сколько? секунд десять? да, наверно, и потому расправа с десятком игрушек занимала его максимум на две минуты. А больше нам особо нечего было дать ему пошвырять.

И вот как-то вечером, размешивая сыр в тарелке с картофельным пюре, я сказал:

– Нам нужны еще игрушки. Я посчитал: чтобы занять его на полчаса, надо сто восемьдесят игрушек.

– Если каждый из нас будет дарить ему по одной в день рождения и на Рождество, – сказала Кьяра, – получится десять в год. К его совершеннолетию как раз закончим.

Папа замер, не донеся ложку до рта:

– А это неплохая мысль!

– Дарить ему игрушки, пока у него борода расти не начнет?

– Нет, что ему нужно больше игрушек.

– И где мы их возьмем в таком количестве?

– В детском саду. У нас там тонны старых игрушек, на складе ими мешки набиты.

– Потрясно! – воодушевился я. – Тогда мы его этими игрушками завалим!

Сказано – сделано. Через несколько дней папа привез на машине с работы груду здоровых черных мешков, в какие дворники сгребают мусор. Он припарковался у дома, вызвал нас на улицу, открыл багажник и театрально указал на мешки, словно ожидая аплодисментов; казалось, игрушки вот-вот начнут выпрыгивать одна за другой и гуськом засеменят по переулку. Мы занесли мешки в дом и спустили в парадную гостиную, к подгузникам. Чего там только не было! Слоны, кролики, дельфины, бесформенные монстры, но самое главное – динозавры. Самые-самые первые. Джо сейчас динозавра ни на какие сокровища не променяет, и, наверно, его страсть к ним началась именно с того дня. Я страдал: мой гепард затерялся в толпе. Потом я смирился. Такова жизнь – не все гепарды выживают.

* * *

В те годы открытия следовали одно за другим. Джованни был словно коробка конфет ассорти: пока все не съешь – не поймешь, какая вкуснее.

На какой-то период кормление Джо превратилось в эпопею. Он упорно выплевывал кашу, которую ему давали с ложечки. И никто не понимал, в чем дело. Мы все были в этой каше

и потому приучились надевать перед кормлением фартук. Не то чтобы жалко было одежду, – никаких таких особых нарядов у нас не водилось, – а просто ради приличия. А то окружающие, не упуская ни одной возможности, спешили нам сообщить, где у нас прилипла каша.

Самое загадочное во всем этом было то, что каждый раз лишь одному из нас удавалось накормить его, но кому именно – заранее сказать было нельзя. *Случайное везение*, думали мы. Но потом поняли: нет, везение не случайно, и Джо сам решает, чья теперь очередь. В папин день он плевался до тех пор, пока рядом не усаживался папа. В день Кьяры запихать в него еду могла только она. И так далее, все мы по порядку.

Мы узнали, что, если хочешь уложить Джованни спать, нужно отдать ему на растерзание свои пальцы: он будет почесывать их, пока вокруг ногтей не соберутся катышки из кожи, с которыми можно поиграть. Что он может поранить себя, причем довольно сильно. Но даже если у него, к примеру, сломана рука, то достаточно поцеловать его – и проблема будет решена. Ходить он выучился очень поздно, но это было не страшно, потому что он профессионально бегал на четвереньках. Немного странно, правда, – с высоко задранной попой, вроде Маугли, – зато передвигался чуть ли не быстрее, чем сейчас на двух ногах. А когда он не бегал на четвереньках, то ползал, извиваясь, точно червяк, и тоже с завидной скоростью.

Бывая в церкви, мы обычно оставляли его где-нибудь в первых рядах, а сами садились сзади, и к концу службы Джованни – попа кверху, самого еле видно за огромным подгузником – добирался до нас, и мы брали его на руки. Такая вот прогулка.

Вообще в церкви он всегда приходил в сильное возбуждение, словно это был луна-парк. Кроме одного-единственного случая, на похоронах дедушки Альфредо, когда Джо за все время не проронил ни слова и не пошевелился. Ему было два с половиной, и мы еще ни разу не видели, чтобы он так долго оставался сосредоточенным и молчаливым. Дедушка Альфредо души в нем не чаял. Педантично и упорно, восседая в кресле, громким и отчетливым голосом читал ему сказки, не сомневаясь, что какие-то вещи Джо способен понять. Уже лежа в больнице, он просил медиков сделать все возможное, чтобы продлить ему жизнь: хотел провести с внуком больше времени.

Джо на протяжении всей церемонии сохранял абсолютное спокойствие.

Молчал.

Слушал.

Словно ему рассказывали сказку.

Все супергерои умеют прыгать

Минуло три года. Я пошел в четвертый класс. Джо наконец-то отдали в детский сад, но не в тот, где работал папа. Два представителя рода Маццариол в одном месте – это уже чересчур.

В первый день мы провожали его всей семьей. Припарковались у входа, вышли из машины. Дорога и тротуар кишели детьми, которые орали, носились, падали или бросались обнимать родителей, а те беседовали между собой и с воспитателями.

У нас все было по-другому.

Торжественная тишина. Словно мы следили за ныряльщиком, готовым прыгнуть с высоченной скалы.

Папа взял Джо на руки и пошел к воротам. Потом обернулся. У Джо было такое выражение, забыть которое невозможно: взгляд человека мудрого, все испытавшего; было ясно, что детский сад для него – пустяки и что он на своем веку уже миллион таких видел. На руках у папы Джо переступал порог первого в своей жизни общественно-воспитательного учреждения. Он взрослел, и процесс этот проходил прямо на наших глазах, как если бы мы наблюдали, как восходит солнце или распускается полевой цветок. Я, честно говоря, растрогался, когда Джо с гордо выпяченной грудью, одетый в желто-красно-зелено-голубое (мы решили, что на нем должен присутствовать любимый цвет каждого члена семьи, и тогда он весь день будет ощущать наше незримое присутствие) исчез за входной дверью. Без подгузника, поскольку с недавних пор он перестал писаться. Но все с теми же китайскими глазами и плоским затылком. И в ортопедических ботинках (зачем они нужны, я понять не мог, ведь ходить Джо еще не научился).

Впервые ему предстояло провести без нас целый день.

Из дома он взял с собой одну только лягушку Лягушку.

Тут вот какая история. Лично у меня уже давно был воображаемый друг по имени Боб – маленький, как Мальчик-с-пальчик, – который мог проникать за закрытые двери, подслушивать и подстраивать пакости моим врагам (в особенности – Антонио). Я рассказывал Джованни об этом своем друге. Говорил, что тот ходит за мной повсюду, и в школу тоже, и даже предлагал брату на время его одолжить. Только Джо не интересовали воображаемые друзья. Ему важнее всего было что-то потрогать. И на роль воображаемого (на деле – реального) друга он выбрал лягушку по имени Лягушка и решил, что будет каждый день брать ее с собой на занятия. Если вам вдруг интересно – ведь с тех пор прошло уже много лет и сейчас Джо в средней школе, – то да, он так и ходит на занятия с Лягушкой. А может, это она с ним ходит: мы не знаем точно, как развиваются их отношения.

Помню, как-то мама, вернувшись домой, сказала, что, по словам воспитательницы, Джо «выбил» для Лягушки стул и парту. И что когда он просит разрешения выйти в туалет, то берет ее с собой. А иногда бывает так, что в туалет нужно *только* Лягушке, и в этом случае Джо выступает в роли переводчика, поскольку Лягушка на нашем языке не говорит. Самое поразительное здесь то, что тогда и сам Джо на нашем языке еще не говорил – его словарный запас пока ограничивался универсальным «будугага», пригодным на все случаи жизни, но что именно означало это выражение, оставалось только догадываться.

Еще им пришлось разрешить Джо отправляться в столовую на полчаса раньше, давая ему возможность самостоятельно миновать весь коридор. Он упорно желал ходить на своих двоих, как другие дети, а не сидеть на руках у воспитательницы, а поскольку передвигался он пока только ползком и на четвереньках, ему и предоставили лишнее время.

А потом произошло вот что. Воспитательница, провожавшая моего брата до столовой, – Валентина, – открыла дверь и на пару секунд задержалась, заканчивая обращенную к коллеге фразу. Прошло и правда не больше двух-трех секунд, но, когда она повернулась, Джо

исчез. Уму непостижимо. Не то что он улизнул, – как раз это случалось постоянно, только обычно его находили не дальше чем в двух метрах (ползком или на четвереньках), а тут – он исчез с концами. Испарился. Как он умудрился не оставить следов, никто не понимал; обычно улик было выше крыши – лужицы слюны, разводы на стекле (он лизал его языком), валяющийся ботинок, плачущий ребенок, которого Джо, ухватившись, нечаянно уронил, разбросанные игрушки, опрокинутые шкафчики… Однако на этот раз – ничего. Абсолютный, полный ноль. Зеро. Ни намека. Во всем коридоре – ни одной, даже крохотной, сопли.

Как вы понимаете, весь сад встал на уши. Занятия приостановили, созвали на подмогу весь персонал и организовали поиски.

Джо нужно было найти.

Воспитательницы прочесывали уборные, кладовки, проверяли мусорные баки, пока не зазвонил звонок на обед. Большинству пришлось прерваться, чтобы вести детей в столовую. Директриса уже собиралась связаться с нами и с полицией, как вдруг раздался детский голос.

– Э-э-э-й! – кричал Лука из младшей группы. – Вот он!

Лука, которому Джо очень нравился, сильно огорчился, когда тот пропал. Он зажмурил глаза и загадал желание: пусть Джо очутится перед ним, прямо в его тарелке, вместо риса. Его желание исполнилось. Нет, Джо не плюхнулся ему в тарелку в буквальном смысле, но, когда дежурная по столовой подкатила к столу покрытую скатертью тележку, из-под скатерти высунулась чья-то рука. Лука заглянул под скатерть и обнаружил Джо.

Получилось так, что Джо забрался в тележку, оставленную кем-то в коридоре, и сидел в ней все это время никем не замеченный (вряд ли он заплатил поварихам за молчание), пока его не отвезли сначала на кухню, где нагрузили тарелками, а затем в столовую. Джо, вне всяких сомнений, стал величайшей находкой в истории детского сада. Как Америка, открытая Колумбом. Как пенициллин, полученный Флемингом. Как картошка фри, случайно изобретенная поваром Джорджем Крамом, который, желая наказать одного капризного магната, специально нарезал клубни тонко-тонко и бухнул в них соли. Кстати, Джо уже тогда обожал картошку фри больше всего на свете. Больше даже, наверно, чем свою Лягушку. После того случая тележка стала для Джо чем-то вроде маршрутки. Обычно он предпочитал рейс в 11:45. Если опаздывал (к примеру, из-за рисунка, который нужно было закончить), – то отправлялся следующим, в 12:00.

Примерно через год, вскоре после фокуса с тележкой, Джо начал лучше разговаривать. Произносить осмысленные слова, постепенно избавляясь от своего «будугага». Я был убежден: это не просто совпадение; несомненно, те полчаса перед обедом, которые раньше он проводил в коридоре, преодолевая дистанцию до столовой, да-да, те самые полчаса играли решающую роль; наверняка в его группе происходило в это время что-то загадочное, благодаря чему дети обретали умение говорить по-человечески.

А вот убедить его участвовать в концертах для родственников не удавалось. Важной частью воспитательной программы были всевозможные представления, но на Джо они наводили смертельный ужас. Его пугало и само действо, и, в особенности, публика – эта многоголосая возбужденная толпа родителей, бабушек-дедушек и братьев-сестер, вооруженных видеокамерами и смартфонами. Он ни за что не соглашался петь хором, а если и выходил на сцену, то чуть позже непременно удирал, толкая других артистов и доводя до слез девчонок. К досаде родителей, бабушек-дедушек и братьев-сестер, выступление, которое так долго готовили всей группой, срывалось.

Лишь однажды воспитательница уговорила его просто посидеть на сцене, ничего не изображая. Как мы поняли, условия сделки подразумевали, что Джо сядет позади товарищей и будет молчать, а взамен обязуется не убегать. Деловой хватки ему всегда было не занимать – он еще и в школу не пошел, а торговался не хуже брокера с Уолл-стрит.

В тот раз, я помню, перед концертом нас отозвали в сторонку поговорить. Все наше семейство, то есть папу, маму, Кьяру, Аличе и автора этих строк. Выглядело это как собрание тайного общества, что-то среднее между баскетбольным тайм-аутом и ритуалом, участники которого встают в кружок, берутся за руки, а потом дружно выбрасывают их вверх, выкрикивая слоганы и распевая гимны.

– Понимаете, – сказали нам, – мы уговаривали его целую вечность, и теперь, – могу поклясться, у говоривших на глазах выступили слезы, – мы вас очень просим: сядьте где-нибудь в середине зала, чтобы он вас не заметил, и, пожалуйста, ни в коем случае не окликайте его! Потому что, вы же знаете, если он вас увидит, то сразу рванется в зал, и мы уже не сможем убедить его вернуться на сцену. Хорошо?

Мы торжественно и почтительно кивнули.

– Будем тише воды ниже травы, – сказал папа.

Мы сделали, как обещали, то есть пробрались в середину среднего ряда и смешались с другими зрителями. Все, кроме папы. Живот у него был такой, словно он на шестом месяце; если бы он полез в самую середку, ему пришлось бы подымать на ноги весь ряд, и Джо его заметил бы. Поэтому он сказал нам, что пристроится где-нибудь сзади или сбоку. И удалился. Он был в шортах и оранжевой толстовке. Я прекрасно знал, что через две минуты он уже будет играть в прятки со старшими братьями других детей, которым спектакль был до лампочки. Он и сам в душе оставался мальчишкой, и многие спектакли, навязываемые обществом, будили в нем чувство протеста. Но это уже совсем другая история.

Вскоре дети вышли из боковой двери и выстроились на сцене. Джо, не подозревая о плетущихся за его спиной интригах, уселся позади всех, согласно уговору.

Концерт начался. Мы, затаив дыхание, неотрывно глядели на Джо. Тот, погрузившись в таинственные размышления, рассеянно блуждал взглядом по сторонам. Все шло как нельзя лучше, звучала одна песенка за другой, без единой запинки. Дети добрались уже до пятой или шестой, и тут во время очередного припева Джо вдруг ни с того ни с сего – словно уловил идущее из зала подозрительное излучение – поднял глаза и, хоть и был без рентгеновских очков, насквозь прошил взглядом публику – родителей, бабушек-дедушек и братьев-сестер. И увидел меня. Я, считая, что отлично замаскировался, потерял бдительность и был застигнут врасплох; он вперился в меня своими марсианскими глазами, и я… проклятье, я не устоял: поднял руку и показал большой палец. И все. Один несчастный палец. Я не собирался обмениваться с ним знаками, просто хотел его приободрить, показать, что все о’кей, продолжай в том же духе и будешь молодец…

Как бы не так.

Я еще и руку опустить не успел, а он уже рванулся с места и взял курс на нас. Когда он снес первый ряд поглощенных исполнением товарищей – они стояли, покачиваясь, как все дети во время пения: ручки за спиной, взгляд наивно-воодушевленный, – в общем, когда я увидел его фееричный старт, то мгновенно понял, что натворил.

Джо, который на тот момент уже распрощался с ползаньем и ковылянием на четвереньках, пер сквозь толпу напролом в стиле ходьбы-бега-прыжка, все это одновременно. Люди вставали, расступались, отодвигали стулья; и вот наш Моисей, совершив исход и освободившись от концертного рабства, бросился к нам обниматься. Растроганные и смущенные, мы жались друг к другу и обнимали его в ответ. На сцене запели что-то торжественное.

Краем глаза я заметил, что все смотрят на нас. Некоторые зрители даже прекратили снимать на видео детей и развернули объективы в нашу сторону. Пожилая синьора всплеснула руками и, прослезившись, достала платочек. Меня душил стыд; я мечтал провалиться сквозь землю, желательно навсегда. Тут наконец папа, оторвавшись от увлекательной игры в прятки в глубине зала, осознал происходящее и в свою очередь ринулся в толпу, вызвав еще более масштабные разрушения, чем сын (если это вообще возможно). Достигнув цели, он обрушился на

нас, точно сошедшая с гор лавина. Но мне стало легче: нужно было следить, как бы не задохнуться под его натиском, и позволить себе задыхаться от стыда я уже не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.